

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА¹

НЕСТИК Тимофей Александрович, д. психол. н., nestikta@ipran.ru, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье проанализированы влияние экономических кризисов на психологическое благополучие личности, а также роль показателей психоэмоционального состояния общества в экономическом прогнозировании. Выделены индивидуально-психологические и социально-психологические механизмы, лежащие в основе роста экономического оптимизма в кризисных для общества условиях: мобилизация личностных ресурсов, «позитивные иллюзии», в том числе сверхоптимизм и переоценка контроля над ситуацией. На основании анализа результатов трех онлайн-опросов, проведенных среди россиян в 2022 г. (N=1600; N=1041; N=1581), автором выделены типы отношения личности к экономическим санкциям. Также показано, что социальный оптимизм и позитивная оценка последствий санкций вносят более весомый положительный вклад в потребительские ожидания, чем уровень доходов и уверенность личности в своих силах. Намечены перспективные направления дальнейших исследований в области психологии экономических ожиданий.

Ключевые слова: экономические ожидания, кризис, экономический оптимизм, социальный оптимизм, психологическое благополучие, депрессия, тревога, эффект «сплочения вокруг флага», политическое доверие.

DOI: 10.47711/0868-6351-202-23-34

Обзор литературы и исследований. Экономические кризисы сопряжены с целым рядом психологических эффектов, влияние которых на поведение граждан может быть разнонаправленным. С одной стороны, в такие периоды происходит снижение психологического благополучия, с другой стороны, запускаются защитные психологические механизмы, поддерживающие экономический оптимизм.

Экономические кризисы негативно влияют на психологическое благополучие, вызывая тревожно-депрессивные расстройства и суицидальные мысли [1-3]. Уровень доходов и наличие сбережений могут смягчать негативное влияние кризиса [4], а переживание социального неравенства, напротив, их усиливает за счет фрустрирующего социального сравнения и снижения межличностного доверия [5; 6]. Сами по себе негативные психоэмоциональные состояния также могут влиять на экономическое и репродуктивное поведение, еще более усиливая негативную динамику на рынках. Так, известно, что депрессия уменьшает уровень притязаний и готовность соглашаться на несправедливые условия при принятии экономических решений [7], а также влияет на избирательность покупок в продуктовых магазинах [8] и может снижать готовность к рождению детей [9; 10].

Известно также, что экономические кризисы могут предваряться ухудшением психологического благополучия общества, когда негативные переживания связаны с предвосхищением кризисных событий и снижением самоэффективности личности [11; 12]. Так, например, поисковые интернет-запросы со словами «депрессия» и «рецессия» на месяц опережают снижение индекса потребительских настроений, по данным опросов, и могут быть предиктором изменений в инвестиционном поведении [13; 14]. В зарубежных исследованиях отмечается также, что рост пессимизма и руминации по поводу негативных событий в текстах песен позволяет предсказать

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

изменения потребительских настроений в последующий год. Он также сильно коррелирует с изменением ВВП в последующие два года [15], а скачивание и прослушивание песен негативной или позитивной тональности позволяют также предсказывать изменения в доходности акций [16].

Тем не менее, в период кризисов можно наблюдать и противоположный, казалось бы, эффект экономического оптимизма. Известно, что ожидания в отношении собственного экономического благополучия, как правило, выше, чем при оценке макроэкономической динамики [17]. Результаты когнитивных экспериментов и кросс-культурных исследований показывают, что личные прошлое и будущее в индивидуалистических культурах оцениваются более позитивно, чем прошлое и будущее своей страны [18]. Такой сверхоптимизм может проявляться в завышенной оценке своей собственной финансовой устойчивости, несмотря на негативную оценку макроэкономических перспектив в условиях кризиса. Этот эффект можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, самоэффективность, т. е. вера людей в свои силы, смягчает негативные последствия снижения доходов и вносит наибольший вклад в жизнеспособность личности в условиях кризиса [19]. Анализ динамики потребительских ожиданий показывает, что в периоды экономических спадов наблюдается рост числа опрошенных россиян, чья жизнь значительным образом не изменилась, и кто уверен в завтрашнем дне [20]. Во-вторых, при переживании трудно контролируемой угрозы запускаются защитные психологические механизмы, поддерживающие жизнеспособность личности через «позитивные иллюзии»: переоценку своих деловых качеств, способности контролировать ситуацию, а также неуязвимости для рисков [21; 22]. Выраженность этих эффектов во время кризиса может зависеть от выраженности диспозиционного оптимизма как устойчивой личностной характеристики [23], а также от пола: рост финансовой незащищенности во время кризиса снижает экономический оптимизм у женщин, но не оказывает такого влияния на мужчин [24]. Мультиагентное моделирование соперничества за ресурсы показывает, что сверхоптимизм является эволюционно выигрышной установкой в условиях, когда доступные ресурсы превышают затраты на конкуренцию, и более вероятен при высокой неопределенности, дефиците информации и столкновении с новыми, ранее неизвестными вызовами [25]. В-третьих, экономическая идентичность, т. е. отнесение себя к тем или иным группам общества по уровню доходов, определяется не только материальным положением, но и социальным сравнением, экономическими притязаниями и оценкой своих деловых качеств [26], поэтому она может сохранять устойчивость, несмотря на объективное снижение доходов и качества жизни. Еще одним объяснением экономического оптимизма являются символическое совладание – «приручение» новых угроз через аналогии с успешно пережитыми ранее кризисами, а также нивелирование этих угроз через представление о кризисе как норме, через обобщенную негативную оценку экономической ситуации в стране. Так, например, в сентябре 2018 г. 51% опрошенных россиян считали, что наша страна все время пребывает в состоянии экономического кризиса [27]. Наконец, повышение экономического оптимизма возможно за счет эффектов, связываемых с парадоксом Истерлина (адаптация к краткосрочным шокам в доходах и сравнение текущего положения с более трудными периодами в прошлом [28]), а также временного снижения относительной депривации, когда более высокодоходные группы, с которыми ранее проводилось сравнение, испытывают трудности [29].

В условиях кризиса можно наблюдать и макроэкономический оптимизм – позитивную оценку будущего национальной экономики, несмотря на объективное ухудшение экономической ситуации. Позитивная оценка будущего связана, прежде всего, с социальными верованиями и политическими установками: так, по данным массовых опросов, в период президентства Д. Трампа в США одни и те же экономические

новости позитивно оценивались республиканцами и негативно интерпретировались демократами [12]. Можно предположить, что роль идентификации со страной и политических установок возрастает в экономически неблагоприятные периоды: анализ текстов показывает, что частота употребления словосочетания «счастливая нация» возрастала в периоды с низкими доходами американского населения, тогда как выражение «счастливый человек» – в периоды с высокими доходами [30]. Известно также, что ожидание скорого завершения макроэкономического кризиса защищает психологическое благополучие личности [31]. Как показывает российский опыт, макроэкономический оптимизм особенно востребован в условиях кризиса: если в благополучные годы индекс потребительских настроений растет за счет надежды на рост собственного благополучия, то в неблагоприятные – за счет надежды на улучшение экономической ситуации в стране [27]. По данным ФОМ, после резкого снижения в марте 2022 г., индекс потребительских настроений россиян в апреле-сентябре существенно возрос, а к февралю 2023 г. оказался наиболее высоким за последние 5 лет, обновив максимум с мая 2018 г. [32].

Одной из форм такого оптимизма является позитивная оценка личностью последствий экономических санкций. По данным онлайн-опроса ($N=1600$), проведенного Институтом психологии РАН совместно с ВЦИОМ 11-12 августа 2022 г., 53,3% опрошенных выразили согласие с утверждением, что экономические санкции сделают Россию еще сильнее. По данным Левада-Центра, в ноябре 2022 г. 60% опрошенных россиян отметили, что наложенные Западом санкции не очень их беспокоят, а 81% признали, что санкции не создали для них больших проблем [33]. Наши предшествующие исследования (2020 г.) показывают, что негативные последствия экономических санкций недооцениваются в силу недостатка экономических знаний, а также эффекта дисконтирования будущего, когда потери в отдаленном будущем приуменьшаются сильнее, чем в ближайшем [34]. В оценках экономической ситуации россияне ориентируются на динамику потребительских цен и уровень инфляции [27], а не на долгосрочные факторы экономического роста, такие как уровень межотраслевых взаимодействий и длина цепочек добавленной стоимости [35]. Кроме того, низкий уровень экономических ожиданий в начале 2022 г., неоправдавшиеся страхи экономического коллапса в марте 2022 г. и выраженный эффект «сплочения вокруг флага» в условиях, когда санкции воспринимались как война, объявленная россиянам, обеспечили кредит доверия Правительству и поддерживали социальный оптимизм. Еще одним объяснением может быть избирательность внимания к новостям об экономической ситуации в стране: лабораторные эксперименты и анализ поисковых интернет-запросов, показывают, что при переживании угрозы запускаются механизмы неосознаваемой эмоциональной контррегуляции, которые повышают внимание к позитивным новостям [36].

Несмотря на растущее число исследований, посвященных роли сверхоптимизма в экономическом поведении личности, психологические механизмы позитивных макроэкономических ожиданий в условиях кризиса остаются недостаточно проясненными. Для изучения связи психологического благополучия личности, социального оптимизма и экономического оптимизма в условиях кризиса нами были проведены три исследования. В первом исследовании была поставлена задача выявить эмпирические типы отношения к санкциям в российском обществе. В качестве гипотезы второго и третьего исследований выступало предположение о том, что социальный оптимизм и позитивная оценка последствий санкций вносят более весомый положительный вклад в потребительские ожидания, чем уверенность личности в своих силах.

Выборка и методы эмпирического исследования. В основу нашего анализа легли три эмпирических исследования, проведенных в период с июля по декабрь 2022 г.

1. Опрос по онлайн-панели ВЦИОМ совместно с Институтом психологии РАН 14-15 июля 2022 г. Объем выборки (N) составил 1600 респондентов, отобранных по квотной выборке (46% – мужчины; 54% – женщины; средний возраст (Mвозр) – $46,7 \pm 15,2$ лет). Данные репрезентируют онлайн-аудиторию России в возрасте старше 18 лет по полу, возрасту, федеральному округу и размеру населенного пункта.

2. Проведенные Институтом психологии РАН опросы по онлайн-панели Анкетолог, направленные на выявление психологических предикторов экономических ожиданий россиян. Первый опрос проводился 13-14 августа 2022 г. (N=1041; 50% – мужчины; 50% – женщины; Mвозр= $40,4 \pm 13,3$ лет), второй – 14-18 декабря 2022 г. (N=1581; 49,7% – мужчины; 50,3% – женщины; Mвозр= $41,1 \pm 15,5$ лет).

Наряду с вопросами, направленными на выявление экономических ожиданий, нами также использовались психологические методики: шкала RNQ-4 для измерения уровня тревоги и депрессии, шкала «Проактивные аттитюды» Р.Шварцера для измерения уверенности личности в своих силах, а также шкала социального оптимизма [37]. Для измерения макроэкономического оптимизма применялась сокращенная версия опросника «Отношение к экономическим санкциям» Т.А. Нестика [34]; для измерения эффекта сплочения «вокруг флага» [38] – шкала политического доверия (по 5-балльной шкале Лайкерта оценивается степень доверия Президенту, Правительству, Думе, СМИ) и субшкала лояльности своей группе из опросника моральных оснований (MFQ-2) [39]. Для статистического анализа нами были использованы кластерный анализ на основе метода к-средних, иерархический линейный регрессионный, модерационный и путевой анализы с помощью программ IBM SPSS v.24, Amos v.25 и Jamovi v.2.3.21.

Полученные результаты. На основе данных первого исследования, проведенного совместно с ВЦИОМ 14-15 июля 2022 г., с помощью кластерного анализа методом к-средних нами выделены четыре социально-психологических типа отношения россиян к последствиям экономических санкций (рис. 1).

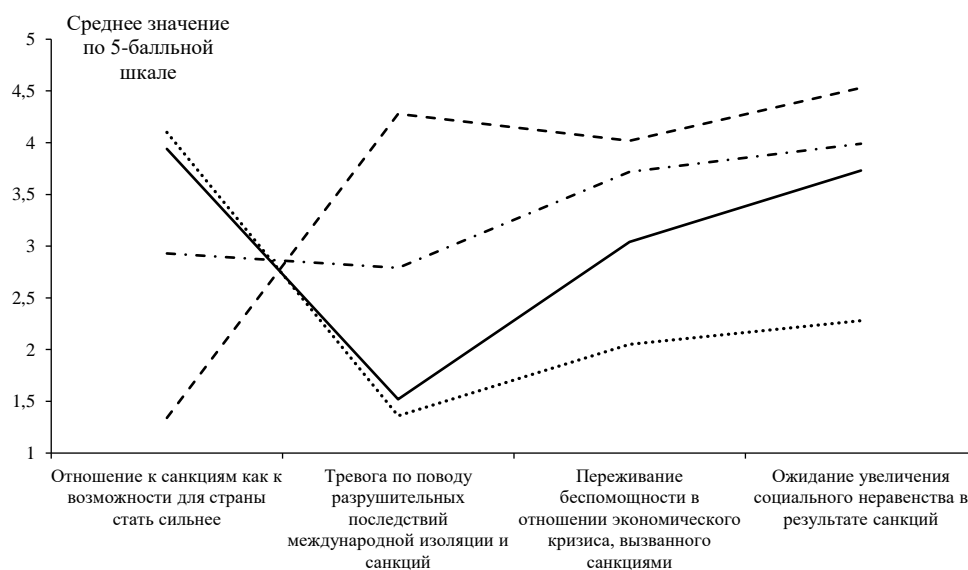

Рис. 1. Типы отношения личности к последствиям экономических санкций (N=1600, июль 2022 г., затруднившиеся ответить исключены из анализа):
 ···· полагающиеся на государство оптимисты (N=438);
 - · - · - встревоженные реалисты (N=351); - - - - фрустрированные (N=276);
 — разочарованные несправедливостью патриоты (N=492)

Первый тип «Полагающиеся на государство оптимисты» (28%) – чаще женщины (54%) в возрасте 45+ (59%), без высшего образования (54%), жители малых городов и сел (48%) со средним и высоким уровнем доходов (38% не испытывают проблем с покупкой товаров длительного пользования и др.). Для представителей этого типа характерен относительно высокий уровень переживания радости и надежды по поводу ситуации в стране, доверия к федеральной власти и оправдания социальной системы, уверенности в способности влиять на будущее страны. При этом они опасаются утраты культурных традиций на фоне роста преступности, терактов и притока мигрантов.

Второй тип «Фрустрированные» (18%) – чаще мужчины (55%) с высшим образованием (62%), в возрасте до 35 (50%), жители городов-миллионников (48%) с низкими (31%) и высокими (28%) доходами. Для них характерен наиболее высокий уровень тревоги и депрессии, переживания страха и подавленности по поводу ситуации в стране, низкое доверие к власти, выраженный антиэлитизм. Опасаются они, прежде всего, негативных экономических последствий СВО.

Третий тип «Встревоженные реалисты» (22%) – чаще женщины (60%) в возрасте до 35 (40%) с низкими (30%) и средними (48%) доходами. Они характеризуются выраженной гражданской идентичностью в сочетании с антиэлитными установками, низким социальным оптимизмом и высокой тревогой за свое будущее; опасаются негативных экономических последствий СВО и произвола властей.

Четвертый тип «Разочарованные несправедливостью патриоты» (32%) – мужчины (48%) и женщины (52%) в возрасте 60+ (36%), без высшего образования (59%), жители малых городов и сел (52%) с низкими (29%) и средними (43%) доходами. Представители данного типа характеризуются высокой гражданской идентификацией, социальным оптимизмом и уверенностью в своих силах, но при этом негативно относятся к политическим и экономическим элитам, считают необходимыми решительные полномасштабные изменения в стране; опасаются утраты культурных традиций и социального коллапса.

В целом, проведенное нами исследование показывает, что макроэкономический оптимизм в условиях кризиса поддерживается тремя основными механизмами: во-первых, мобилизацией личностных ресурсов для преодоления трудностей и индивидуальной самоэффективностью, т. е. уверенностью личности в собственных силах; во-вторых, социальным оптимизмом, важнейшим компонентом которого является коллективная самоэффективность, т. е. уверенность в способности общества совместными усилиями преодолеть кризис; в-третьих, эффектом «сплочения вокруг флага» при переживании внешней угрозы, защищающим позитивную групповую идентичность и возвращающим личности чувство контроля над ситуацией за счет идентификации со своей группой и ее лидерами (рост политического доверия, авторитарных установок, патернализма как ожидания опеки со стороны государства, а также не критичного отношения к своей стране).

Расчеты на основе иерархического линейного регрессионного анализа (таблица) с использованием данных второго опроса, проведенного ИП РАН в августе 2022 г., подтвердили, что социальный оптимизм вносит более весомый вклад в потребительские ожидания, чем уровень дохода и уверенность личности в своих силах. Этот показатель имеет более высокие стандартизированные веса, а его добавление как независимой переменной в регрессионные модели дает существенное повышение их качества.

Результаты структурного моделирования с использованием данных третьего опроса, проведенного ИП РАН в декабре 2022 г., подтвердили гипотезу о связи потребительских ожиданий с социальным оптимизмом и показателями «сплочения вокруг флага».

Таблица

Предикторы потребительских ожиданий (результаты иерархического линейного регрессионного анализа, N=1041, август 2022 г.) *

Независимые переменные	Насколько ближайšie 1-2 года благоприятны для...								
	покупки отечественных товаров			совершения крупных покупок			обращения за потребительским кредитом		
	Шаг 1	Шаг 2	Шаг 3	Шаг 1	Шаг 2	Шаг 3	Шаг 1	Шаг 2	Шаг 3
Уровень доходов	0,124**	0,058	0,030	0,208**	0,168**	0,144**	0,200**	0,160**	0,134**
Уверенность в своей способности преодолеть трудности, связанные с последствиями СВО и санкций		0,322**	0,159**		0,197**	0,055		0,199**	0,048
Социальный оптимизм		0,310**	0,310**		0,270**	0,362		0,287**	0,368
R	0,124	0,338	0,426	0,208	0,284	0,131	0,200	0,279	0,135
R ²	0,015	0,115	0,181	0,043	0,081	0,050	0,040	0,078	0,057
ΔR ²		0,100	0,066		0,038	0,050		0,038	0,057
F	15,900	65,600	74,800	46,100	44,400	51,000	42,500	43,000	52,800

* Приведены стандартизированные коэффициенты регрессии.
 ** – $p < 0,001$.

Источник: расчеты автора.

На рис. 2 представлена модель, показавшая наибольшее соответствие эмпирическим данным по своим характеристикам (распределение $\chi^2=133,1$; $df=34$; $p<0,001$; $CFI=0,989$; $TLI=0,974$; $RMSEA=0,043$; 90% CI [0,035; 0,051]; $Pclose=0,931$). Все регрессионные веса и ковариации значимы на уровне $p<0,004$. Анализ чувствительности с помощью программы power4SEM [40] показал достаточную статистическую мощность ($RMSEA=0,05$; *alternative* $RMSEA=0,10$; $\alpha=0,05$; $df=34$; $N=1581$; $Power=1$). Предикторами социального оптимизма являются доверие к федеральной власти ($\beta^2=0,552$) и лояльность к своей группе ($\beta=0,199$). Социальный оптимизм, в свою очередь, вносит вклад в ожидание улучшения материального положения семьи в ближайший год ($\beta=0,262$), в предположение, что для экономики страны хорошим временем станут следующие 12 мес. ($\beta=0,243$) и следующие 5 лет ($\beta=0,297$). Кроме того, социальный оптимизм усиливает проактивность личности ($\beta=0,215$), снижает депрессию ($\beta=-0,291$), тревогу ($\beta=-0,288$) и переживание беспомощности в отношении экономического кризиса ($\beta=-0,282$). Наибольший вклад в отношение к санкциям как к возможности для страны стать сильнее вносят лояльность к своей группе ($\beta=0,373$), социальный оптимизм ($\beta=0,296$) и доверие к федеральной власти ($\beta=0,203$). При этом оптимистическая оценка последствий санкций усиливает позитивные ожидания в отношении российской экономики в ближайшие 12 мес. ($\beta=0,171$) и 5 лет ($\beta=0,140$). Психологическое состояние личности также влияет на потребительские ожидания: депрессия снижает уверенность в своих силах ($\beta=-0,096$) и, тем самым, ослабляет ожидание улучшения благосостояния семьи; тревога усиливает беспокойство по поводу разрушительных последствий санкций ($\beta=0,278$), ожидание роста социального неравенства ($\beta=0,086$) и переживание беспомощности в отношении кризиса ($\beta=0,208$).

С помощью пакета Medmod программы Jamovi v.2.3.21 нами обнаружен эффект модерации: связь лояльности своей группе с проактивностью усиливается при убежденности респондентов в том, что экономические санкции – это война, объявленная рядовым россиянам (статистически значимое взаимодействие между указанными переменными и восприятием экономических санкций как военной агрессии $B=0,313$; $S.E.=0,094$; 95% CI [0,137; 0,497]; $Z=3,32$; $p<0,001$; $Bootstrap=1000$). Восприятие санкций как войны также делает статистически значимой связь проактивности с доверием к власти (статистически значимое взаимодействие между этими переменными и восприятием экономических санкций как военной агрессии $B=0,338$; $S.E.=0,095$; 95% CI [0,147; 0,520]; $Z=3,55$; $p<0,001$; $Bootstrap=1000$). Наши результаты хорошо согласуются с данными о том, что чувство субъективного контроля снижает дистресс в условиях экономического кризиса [41]. Можно предположить, что эффект «сплочения вокруг флага» и социальный оптимизм компенсируют чувство утраты контроля и, тем самым, поддерживают позитивные экономические ожидания.

Выводы. В целом проведенные нами исследования позволяют сделать выводы о том, что экономический оптимизм в условиях кризиса поддерживается, с одной стороны, «позитивными иллюзиями» и мобилизацией личностных ресурсов, а с другой стороны, механизмами, защищающими позитивную групповую идентичность, и перед лицом коллективной угрозы лежащими в основе «сплочения вокруг флага» (доверием к власти, лояльностью к своей группе и социальным оптимизмом). Характеристики групповой идентичности и политические установки играют более важную роль в формировании отношения к экономическим санкциям, чем уровень доходов и индивидуально-психологические характеристики.

² Коэффициент при данной переменной в уравнении регрессии.

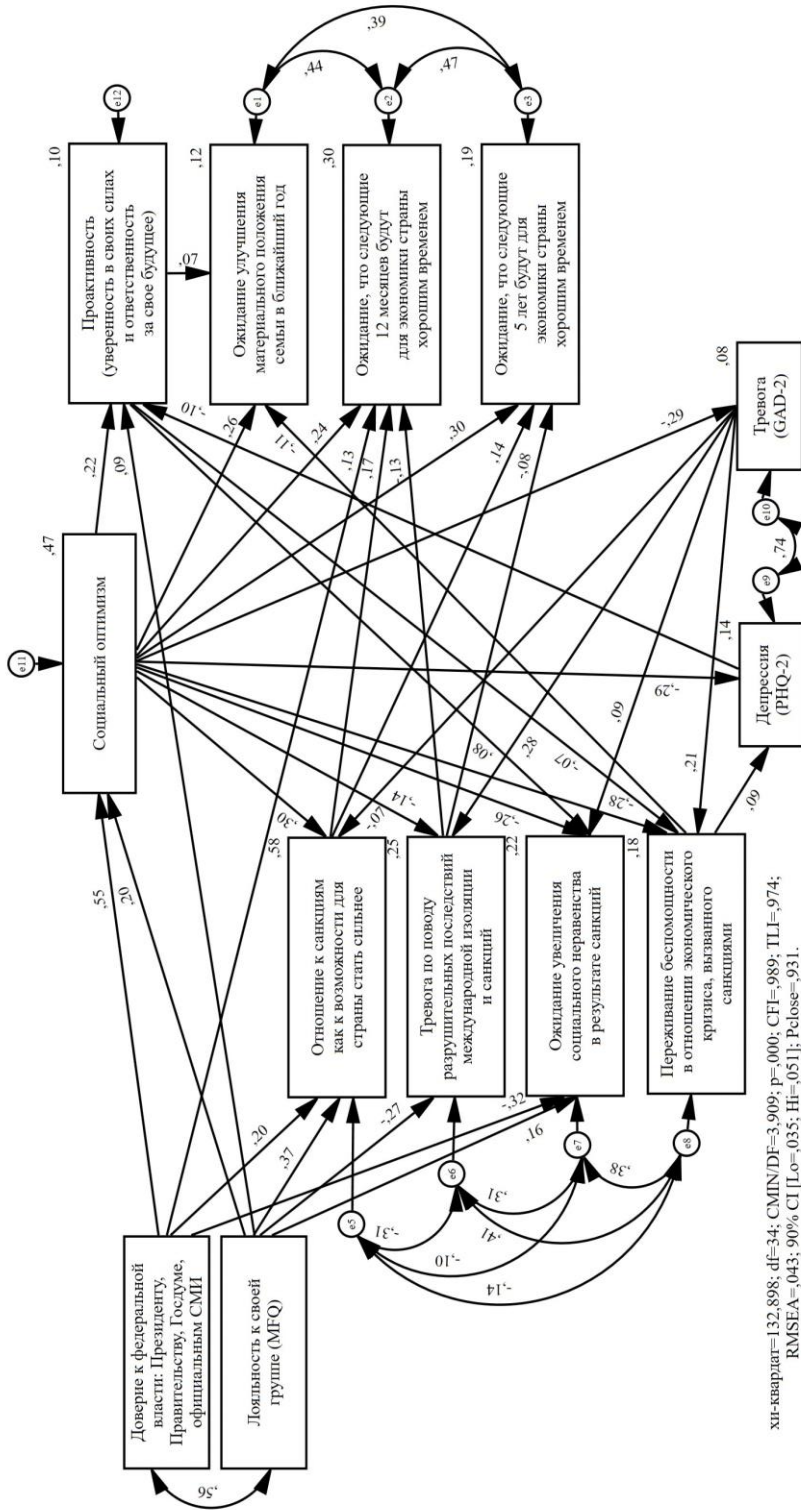

Рис. 2. Путьевая модель предикторов экономических ожиданий (N=1581, декабрь 2022 г.)

Для предотвращения риска фрустрации завышенных экономических ожиданий необходимо формировать более дифференцированную картину экономической ситуации в стране: при информировании о мерах, предпринимаемых правительством, выделять не только позитивные изменения, но и те сферы экономики, где восстановление будет долгим. Для поддержки макроэкономического оптимизма в условиях кризиса недостаточно мер по сохранению стабильного курса рубля и по предотвращению роста безработицы. Необходимо демонстрировать последовательность в действиях, направленных на снижение экономического неравенства, а также поддерживать уверенность граждан в том, что они могут влиять на свое настоящее и будущее: повысить конкурентность региональных выборов и их прозрачность для общественного контроля; ввести элементы прямого налогообложения, возможности для налогоплательщика выбирать статьи регионального или федерального бюджета, на поддержку которых он предпочел бы направить часть взимаемого с него налога.

Учитывая высокую поляризацию в российском обществе, сопровождающуюся ориентацией на разные источники экономической информации, перспективным направлением дальнейших исследований в области изучения экономического оптимизма в условиях кризиса представляется использование эпидемиологического подхода в сочетании с мультиагентным моделированием «заражения» оптимистическими и пессимистическими ожиданиями экономических агентов с разными социально-психологическими характеристиками [42]. В этой связи отдельной и, к сожалению, все более значимой задачей становится изучение динамики экономического оптимизма в условиях военных конфликтов и информационно-психологических операций. Не менее перспективными могут быть экспериментальные исследования изменения ожиданий в зависимости от воображаемых сценариев развития ситуации и с учетом разделяемых личностью ментальных моделей экономики [43]. Развитие анализа больших данных открывает все большие возможности для соотнесения данных психологического тестирования с изменениями экономического поведения, регистрируемыми по финансовым операциям и цифровым следам. Чрезвычайно эвристичными для изучения экономических ожиданий в ходе кризисов, произошедших за последние 100 лет, могут быть корпусные лингвистические исследования. Необходимы дальнейшие исследования по изучению вклада коллективного образа будущего в экономическое поведение и демографические процессы на разных стадиях экономических, социально-политических и климатических кризисов. Наконец, все более очевидна необходимость в комплексных экономико-психологических лонгитюдных исследованиях для включения в экономические прогнозы оценки возможного влияния психологического состояния общества на потребительское, кредитное, сберегательное, инвестиционное и трудовое поведение россиян.

Литература / References

1. *Frasquilho D., Matos M., Salonna F. et al. Mental health outcomes in times of economic recession: a systematic literature review // BMC Public Health. 2015. No. 16. P.115. DOI: 10.1186/s12889-016-2720-y.*
2. *Silva M., Resurrección D.M., Antunes A., Frasilho D., Cardoso G. Impact of economic crises on mental health care: a systematic review // Epidemiology and psychiatric sciences. 2018. No. 29, e7. DOI: 10.1017/S2045796018000641.*
3. *Guerra O., Eboeime E. The Impact of Economic Recessions on Depression, Anxiety, and Trauma-Related Disorders and Illness Outcomes – A Scoping Review // Behavior Sciences. 2021. No. 11. P. 119. DOI: 10.3390/bs11090119.*
4. *Ettman C.K., Adam G.P., Clark M.A., Wilson I.B., Vivier P.M., Galea S. Wealth and depression: A scoping review // Brain and Behavior. 2022. No. 12. URL: <https://doi.org/10.1002/brb3.2486>*
5. *Patel V., Burns J.K., Dhingra M., Tarver L.B., Kohrt B.A., Lund C. Income inequality and depression: a systematic review and meta-analysis of the association and a scoping review of mechanisms // World Psychiatry. 2018. Vol. 17 (1). Pp. 76-89. DOI: 10.1002/wps.20492.*

6. Tibber M.S., Walji F., Kirkbride J.B., Huddy V. The association between income inequality and adult mental health at the subnational level-a systematic review // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2022. Vol. 57 (1). Pp. 1-24. DOI: 10.1007/s00127-021-02159-w.
7. Harlé K.M., Allen J.J., Sanfey A.G. The impact of depression on social economic decision making // *Journal of abnormal psychology*. 2010. Vol. 119 (2). Pp. 440-446. URL: <https://doi.org/10.1037/a0018612>
8. Meckel K., Shapiro B. Depression and Shopping Behavior. BFI Working Paper. 2021. November 8. URL: <https://bfi.uchicago.edu/working-paper/depression-and-shopping-behavior/>
9. Sobotka T., Skirbekk V. and Philippo D. Economic Recession and fertility in the developed world // *Population and Development Review*. 2011. Vol. 37 (2). Pp. 267-306.
10. Margraf J., Lavallee K.L., Zhang X.CH., Woike J.K., Schneider S. Mental health and the wish to have a child: a longitudinal, cross-cultural comparison between Germany and China // *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*. 2022. Vol. 43 (2). Pp. 177-189. DOI: 10.1080/0167482X.2020.1816959.
11. Nofsinger J.R. Social Mood and Financial Economics // *Journal of Behavioral Finance*. 2005. Vol. 6 (3). Pp. 144-160. DOI: 10.1207/s15427579jbfm06034.
12. Curtin R. Consumer expectations: a new paradigm // *Business Economics*. 2019. Vol. 54. Pp. 199-210. DOI: 10.1057/s11369-019-00148-1.
13. Da Zh., Engelberg J., Gao P. The Sum of All FEARS Investor Sentiment and Asset Prices // *The Review of Financial Studies*. 2015. Vol. 28. No. 1. Pp. 1-32. DOI: 10.1093/rfs/hhu072.
14. Gao Z., Ren H., Zhang B. Googling Investor Sentiment around the World // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2020. Vol. 55 (2). Pp. 549-580. DOI: 10.1017/S0022109019000061.
15. Zullo H.M. Pessimistic Rumination in Popular Songs and Newsmagazines Predict Economic Recession via Decreased Consumer Optimism and Spending // *Journal of Economic Psychology*. 1991. Vol. 12 (3). Pp. 501-526.
16. Edmans A., Fernández-Pérez A., Garel A., Indriawan I. Music Sentiment and Stock Returns Around the World // *Journal of Financial Economics*. 2022. Vol. 145. No. 2. Part A. Pp. 234-254.
17. Bjuggren C.M., Elert N. Gender differences in optimism // *Applied Economics*. 2019. No. 51 (47). Pp. 5160-5173. DOI: 10.1080/00036846.2019.1610714.
18. Liu J.H., Szpunar K.K. Structure and dynamics of personal and national event cognition // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. Advance online publication. 2022. DOI: 10.1037/mac0000094.
19. Johnston D.W., Kung C.S.J., Shields M.A. Who is resilient in a time of crisis? The importance of financial and non-financial resources // *Health economics*. 2021. Vol. 30 (12). Pp. 3051-3073. DOI: 10.1002/hec.4428.
20. Гончаров С. Экономические ожидания в начале 2023 года. Левада-Центр. 21.02.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/21/ekonomicheskie-ozhidaniya-v-nachale-2023-goda/> [Goncharov S. Ekonomicheskie ozhidaniya v nachale 2023 goda. Levada-Center. 21.02.2023 (In Russ.)]
21. Taylor S.E., Brown J.D. Positive illusions and well-being revisited: separating fact from fiction // *Psychological Bulletin*. 1994. Vol. 16 (1). Pp. 21-27. DOI: 10.1037/0033-2909.116.1.21.
22. Нестик Т.А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред.: Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М., Изд-во «Институт психологии РАН». 2021. С. 19-125. [Nestik T.A. Experience of the epidemiological threat by Russians as a socio-psychological phenomenon: the results of a series of empirical studies // *The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences* / Eds.: T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorobyov. M., Institute of Psychology of the RAS. 2021. Pp. 19-125. (In Russ.)]
23. Grezo M., Sarmany-Schuller I. Coping with Economic Hardship: A Broader Look on the Role of Dispositional Optimism // *Open Science Journal of Psychology*. 2015. Vol. 2 (2). Pp. 6-14.
24. Chhatwani M., Mishra S.K. Financial fragility and financial optimism linkage during COVID-19: Does financial literacy matter? // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2021. No. 94:101751. DOI: 10.1016/j.socec.2021.101751.
25. Johnson D., Fowler J. The evolution of overconfidence // *Nature*. 2011. Vol. 477. Pp. 317-320. DOI: 10.1038/nature10384.
26. Хащенко В.А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 32-49. [Khashchenko V.A. Economic Identity of a Personality: Psychological Determinants of Formation // *Psihologicheskij zhurnal*. 2004. Vol. 25. No. 5. Pp. 32-49. (In Russ.)]
27. Красильникова М.Д. Экономические циклы и мнения населения об экономической динамике // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 5-21. DOI: 10.31857/S086904990008508-0. [Krasilnikova M.D. Economic Cycles and Public Opinion on Economic Dynamics // *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2020. No. 1. Pp. 5-21. (In Russ.)]
28. Ларин А.В., Филясов С.В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 1. С. 59-83. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83. [Larin A.V., Filyasov S.V. Paradoxes Isterlina i adaptatsiya v Rossii [Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia]. // *HSE Economic Journal*. 2018. Vol. 22. No. 1. Pp. 59-83 (In Russ.)]
29. D'Ambrosio C., Frick J.R. Individual wellbeing in a dynamic perspective // *Economica*. 2012. Vol. 79. Pp. 284-302.
30. Oishi S., Graham J., Kesebir S., Galinha I. C. Concepts of happiness across time and cultures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. Vol. 39 (5). Pp. 559-577.
31. Wilkinson L.R., Schafer M.H., Wilkinson R. How painful is a recession? An assessment of two future-oriented buffering mechanisms // *Social science & medicine*. 2020. Vol. 255. P. 112455. DOI: 10.1016/j.soecscimed.2019.112455.
32. Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Волна 12. ИнФОМ, февраль 2023. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43787/inFOM_23-02.pdf [Izmerenie infljacionnyh ozhidaniy i potrebitel'skih nastroyenij na osnove oprosov naselenija. Volna 12. InFOM, 2023. (In Russ.)]
33. Sullivan E., Smeltz D., Volkov D., Goncharov S. Few Russians Are Anxious about Western Sanctions. The Chicago Council on Global Affairs. January 23, 2023. URL: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/few-russians-are-anxious-about-western-sanctions>
34. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / под ред. Т.А. Нестика и А.Л. Журавлева. М., Изд-во «Институт психологии РАН». 2020. 594 с. [Personality in the conditions of

- global risks: socio-psychological analysis / ed. T.A. Nestik and A.L. Zhuravlev. M., Institute of Psychology of the RAS. 2020. 594 с. (In Russ.)]
35. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. 2018. № 1. С. 7-15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015. [Minakir P.A. The Russian Crisis: Expectations vs. Facts // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2018. No. 1. Pp. 7-15 (In Russ.)]
 36. Sassenberg K., Scholl A. Linking regulatory focus and threat–challenge: transitions between and outcomes of four motivational states // *European Review of Social Psychology*. 2019. Vol. 30 (1). Pp. 174-215. DOI: 10.1080/10463283.2019.1647507.
 37. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // *СоциоДиггер*. 2021. Т. 2. № 9 (14): Горизонты будущего. С. 6-48. [Nestik T.A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis // *SocioDigger*. 2021. Vol. 2. No. 9 (14): Gorizonty budushhego. Pp. 6-48 (In Russ.)] URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2021vol2-14/>
 38. Казун А.Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 136-146. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.12. [Kazun A.D. «Rally Around the Flag» Effect. How and Why Support of the Authorities Grows During International Conflicts and Tragedies? // *Polis. Political Studies*. 2017. No. 1. Pp. 136-146. (In Russ.)]
 39. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2022. Т. 19. № 3. С. 528-549. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-3-528-549. [Sychev O.A., Nestik T.A. Moral foundations for the feelings of shame and pride regarding the native country // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022. Vol. 19. No. 3. Pp. 528-549. (In Russ.)]
 40. Jak S., Jorgensen T.D., Verdam M.G.E. et al. Analytical power calculations for structural equation modeling: A tutorial and Shiny app // *Behavior Research Methods*. 2021. Vol. 53. Pp. 1385-1406.
 41. Koltai J., Stuckler D. Recession hardships, personal control, and the amplification of psychological distress: Differential responses to cumulative stress exposure during the U.S. Great Recession. *SSM//Population Health*. 2020. Vol. 10. P. 100521. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100521.
 42. Carroll C., Wang T. Epidemiological expectations // *Handbook of Economic Expectations*. Editor(s): R. Bachmann, G. Topa, W. van der Klaauw. Academic Press, 2023. Pp. 779-806. DOI: 10.1016/B978-0-12-822927-9.00034-3.
 43. Fuster A., Zafar B. Survey experiments on economic expectations // *Handbook of Economic Expectations*. /Eds.: R. Bachmann, G. Topa, W. van der Klaauw. Academic Press, 2023. Pp. 107-130. DOI: 10.1016/B978-0-12-822927-9.00010-0.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023. Статья принята к публикации 27.09.2023.

Для цитирования: Т.А. Нестик. Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса // *Проблемы прогнозирования*. 2024. № 1(202). С. 23-34. DOI: 10.47711/0868-6351-202-23-34

Summary

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ECONOMIC OPTIMISM AMID THE CRISIS

T.A. NESTIK, *Doct. Sci. (Psych.)*, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1410-4762, Scopus Author ID: 15045168800

Abstract: The article analyzes the impact of economic crises on the psychological well-being of individuals, as well as the role played by indicators of the psycho-emotional state of society in economic forecasting. Individual psychological and sociopsychological mechanisms underlying the growth of economic optimism in society under crisis conditions are considered, i.e., mobilization of personal resources, «positive illusions», including overoptimism and overestimation when control the situation. Based on the analysis of the results obtained by three online surveys conducted among Russians in 2022 ($N = 1600$; $N = 1041$; $N = 1581$), the author identifies the types of personal attitudes to economic sanctions. It is also shown that social optimism and positive assessment of the consequences following the sanctions make a more significant positive contribution to consumer expectations than the level of income and self-confidence. Promising directions for further research in the field of psychology of economic expectations are outlined.

Keywords: economic expectations, crisis, economic optimism, social optimism, psychological well-being, depression, anxiety, «rally-around-the-flag» effect, political trust.

Received 04.09.2023. Accepted 27.09.2023.

For citation: *T.A. Nestik*. Psychological Mechanisms of Economic Optimism amid the Crisis // *Studies on Russian Economic Development*. 2024. Vol. 35. No. 1. Pp. 13–20.
DOI: 10.1134/S107570072401012X